

Самоисправления говорящего в японском устном нарративе: анализ корпусных данных

Self-repairs in Japanese narrative discourse: a corpus-based case-study

Подлеская В. И. (podlesskaya@ocrus.ru),
Комарова А. Д. (komarovochka@gmail.com)

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Рассматриваются типы самоисправлений говорящего в неподготовленном устном японском дискурсе. На основе сопоставления с данными русского языка выявляются лингвоспецифические и универсальные механизмы самоисправлений.

1. Постановка вопроса

В работе предпринято корпусное исследование самоисправлений говорящего в японской неподготовленной монологической речи.¹ Материалом послужил корпус устных рассказов по картинкам и их последующих пересказов по памяти (23 рассказа и 23 пересказа), общий объем корпуса — 4545 слов, общая продолжительность звучания — 44,25 мин.

Транскрибирование и разметка речевых сбоев производилась по методике предложенной в Подлеская, Кибрик 2009. В этой же работе были предложены и апробированы на материале русских устных рассказов базовые критерии классификации самоисправлений. На эти критерии мы и опирались при работе с японским материалом. Как мы покажем ниже, этот набор критериев, в целом, продемонстрировал универсальную применимость к языку иного грамматического строя, однако конкретные механизмы самоисправлений, а также количественное распределение отдельных типов самоисправлений в японском языке обнаружили весьма поучительную специфику.

2. Коррекции vs. редактирование

Прежде всего, вслед за вышеупомянутой работой Подлеская, Кибрик 2009, мы выделили два

основных режима самоисправления: — (он-лайн) коррекцию, или собственно **коррекцию**, и ретроспективную коррекцию, или **редактирование**.

В режиме (он-лайн) коррекции говорящий реагирует на обнаруженную проблему немедленно, поэтому при коррекциях речевой отрезок до точки прерывания обладает незавершенностью по совокупности лексических, грамматических и просодических критериев. Очень часто в точке прерывания имеется обрыв слова, но даже там, где обрыва слова нет, имеются симптомы синтаксической и дискурсивной неполноты текущего отрезка. После прерывания говорящий заменяет забракованный фрагмент на другой или повторяет первоначально забракованный фрагмент и продолжает развертывать речь таким образом, чтобы забракованный фрагмент мог быть безболезненно «стерт» и материал до забракованного фрагмента и материал после него, сомкнувшись, образовали бы правильную, т. е. удовлетворяющую говорящего последовательность. Так, в примере (1):

(1) YUK T1:30²

30. otokonoko ni ..(0.2) chiisa na
мальчик DAT маленький ATR

kuruma || omochya no kuruma o kat-te
машина игрушка GEN машина ACC купить-CNV

Мальчику маленькую машинку .... игрушечную машинку купив...

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант 09-04-00106а

² После номера примера приводится его индекс в корпусе, включающий указание на имя говорящего, код рассказа и номер строки.

имеется забракованный фрагмент *chiisa na kuruma* ‘маленькую машину’, который после точки прерывания (отмеченной знаком ||) заменен на откорректированный фрагмент *omochya no kuruma* ‘игрушечную машину’. Удаление забракованного фрагмента дает текст, грамматически приемлемый и ситуационно уместный с точки зрения говорящего.

Ретроспективная коррекция, или редактирование, это менее «авралный» режим преодоления обнаруженной проблемы. Он состоит в том, чтобы отредактировать уже готовый и транслированный фрагмент дискурса постфактум, т. е. уже по завершении проблемного отрезка информировать слушающего о том, что этот отрезок подлежит уточнению или исправлению. Как иллюстрирует пример (2), при редактировании могут (но не обязательно должны!) использоваться особые дискурсивные маркеры, сигнализирующие о преодолении затруднения. Типичным примером является японское междометие «неожиданной находки» *A!* (произносится на сильном выдохе с резким нисходящим тоном, ср. близкий и по форме и по функции русский речевой жест). Эпизод редактирования может сопровождаться эксплицированным признанием ошибки (*Mactigatta!* ‘[Это было] неправильно!’) и уточняющими выражениями со значением ‘точнее’, ‘то есть’ и т. п., часто — совместно со стандартными способами выражения отрицания и противопоставления:

(2) YAM R1:10–13

10. ....(1.5) kono keshoohin wa zenbu
этот косметика TOP³ все

....(1.1) roshia de tukut-ta
Россия INS сделать-PST

Эта косметика вся изготовлена в России.

11. ..(0.1) A-a machigat-ta
а ошибиться-PST

А, нет! (Букв. [я] ошибся)

12. ..(0.3) Chu= || chuugokusei de ==
кита= китайский.товар COP.CNV

Кита= ... китайские товары явл= ...

13. Kono subete chugokusei da.
этот все китайский.товар COP.PRS

Это все китайские товары.

³ В морфологической строке примеров используются следующие сокращения: ACC — аккузатив, ADR — адрессив, ATR — атрибутивная форма, AUX — вспомогательный глагол, AUX.S — вспомогательный глагол окончательного действия *shimai*, CNV — деепричастие, COND — условная форма, COP — связка, DAT — датив, EVD — эвиденциальность, GEN — генитив, HON — гоноратив, INS — инструменталис, NEG — отрицание, NML — субстантиватор, NOM — номинатив, PL — множественное число, PMT — презумптив, PRG — прогрессив, PRS — настоящее-будущее время, PST — прошедшее время, Q — вопросительная частица, QUOT — цитационный союз, TOP — топик, VRB — вербализатор.

Использование режима редактирования в японском языке может приводить к возникновению постпозитивных уточнений, нарушающих нормативный японский синтаксис, характеризующийся последовательным левым ветвлением и заключительной позицией сказуемого. Так, в примере (3) имеет место так называемая правая дислокация — вынос в позицию после заключительного сказуемого элементов, синтаксически от него зависящих; в данном случае вынесена именная группа *asagohan ni* ‘на завтрак’, которая при «идеальном речепорождении», т. е. при отсутствии речевого сбоя, должна была бы располагаться в абсолютном начале клаузы, но была «забыта» говорящим, а затем восстановлена пост-фактум:

(3) KIM T2: 3–4

3. ...(0.5) Sonoato ....(1.0) mmm(0.6) ..(0.4)
Потом

koocha to ..(0.3) pizza o tabe-mash-ita,
черный.чай и пицца ACC есть-ADR-PST

После этого он съел пиццу с чаем,

4. asagohan ni.
завтрак DAT

на завтрак.

Интересно, что планирование выноса вправо говорящий осуществляет заблаговременно: перед дислоцированным элементом часто не бывает паузы, а предшествующее ему сказуемое может интонироваться как незаключительное в высказывании, в частности, падение частоты основного тона может быть не в самый низкий уровень, типично характеризующий конец высказывания у конкретного говорящего.

Дислоцированные уточнения могут внедряться и внутрь клаузы. В примерах (4) и (5) говорящий дважды — сначала в рассказе по картинке, а потом при пересказе того же сюжета по памяти — после именной группы *kodomotachi* ‘дети’ использует вставку, уточняющую «состав семьи», причем в (4) при выходе из вставки для обозначения возвращения к основной линии изложения используется специальный маркер, восходящий к противительному союзу со значением ‘однако’:

(4) WAK T1: 10–13

10. sokonohito ga ..(0.2) jibun no kodomo-tachi-
мужчина TOP сам GEN ребенок-PL

Тогда мужчина со своими детьми

11. ...(0.5) ee(0.1) musume to musuko des-u
дочь и сын COP.ADR-PRS

keredomo

однако

— а это были дочь и сын —

12. ...(0.6) – ittai nani o kat-tara
наконец что ACC купить-COND

i-i da-roo ka
хороший-PRS COP-PMT Q

в конце концов, что же было бы хорошо купить,

13. ..(0.2) to soodan shi-mash-ita
QUOT совет VRB-ADR-PST

посоветовался.

(5) WAK R1: 9–12

9. ....(2.1) soshite ..(0.2) otoko wa ..(0.2)
тогда мужчина TOP

jibun no kodomo-tachi –
сам GEN ребенок-PL

Мужчина своим детям

10. ...(0.5) ee(0.2) musume to ..(0.2) musuko ni
дочь и сын DAT

— дочери и сыну —

11. ...(0.7) ittai o-kaa-san ni nani o
наконец мама DAT что ACC

age-tara i-i da-roo ka
подарить-COND хороший-PRS COP-PMT Q

«В конце концов, что было бы хорошо подарить маме?»

12. to i-imash-ita
QUOT сказать-ADR-PST

сказал.

Фактически, в примерах типа (3)–(5) мы наблюдаем, как потребность в самоисправлении оказывается более мощным фактором речепорождения, чем структурные правила. Компромиссом между нормативным синтаксисом, запрещающим расположение зависимых элементов справа от вершины, и дискурсивно обусловленной необходимостью самоисправления оказываются конструкции, в которых дислоцированный элемент снабжается глаголом-связкой. Так, в следующем примере, в результате редактирования придаточное цели дислоцируется вправо от главной клаузы — вместо стандартного для японского языка порядка «придаточное-главное» («маме ко дню рождения подарок купить чтобы, отец по магазинам пошел»), возникает порядок «главное-придаточное» («отец по магазинам пошел, маме ко дню рождения подарок купить чтобы»). При этом за придаточным непосредственно следует связка, букв. «отец по магазинам пошел, маме ко дню рождения подарок купить чтобы [это] есть» (о правой дислокации придаточных в японском языке см. Ohori 1996). Дислоцированные элементы со связкой по функции близки постпозитивным обстоятельством клаузам с *это* в русской разговорной речи (*это чтобы ..., это потому что...* и т. п.):

(6) KIM R1:1–2

1. Aru hareta hi no gogo otoo san wa
Один ясный день GEN после.обед.отец сан TOP

kaimono e dekae-mash-ita.

покупки в выйти-ADR-PST

В один ясный день отец пошел по магазинам.

2. ....(1.5) Okaa san e no tanjoobi purezento
Мама сан в GEN день.рождения подарок

о ka-u tame des-u.

ACC гупить-PRS чтобы COP-ADR-PRS

[Это] чтобы маме ко дню рождения подарок купить.

Как показывают наши количественные данные, самоисправления в режиме редактирования встречаются значительно реже, чем собственно коррекции (14 % против 86 %, о количественном распределении самоисправлений см. подробнее ниже)

3. Основные типы коррекций

Для классификации он-лайн коррекций используются следующие параметры (подробнее о них, см. Подлеская, Кибрик 2009):

1. Затрагивает ли коррекция структуру дискурса (макрокоррекции) или только один минимальный дискурсивный шаг, типично — клаузу (микрорекции)?
2. Каков объем забракованного фрагмента?
3. Какая операция осуществляется с забракованным фрагментом — он повторяется, частично изменяется или полностью отменяется?
4. Расположены ли забракованный фрагмент и его откорректированный коррелят контактно или дистантно?

Абсолютное большинство (93 %) коррекций в корпусе являются микрорекциями, т. е. сбоями, не выходящими за пределы клаузы, ср. пример (1) выше. Макрокоррекции, затрагивающие более одного узла дискурсивной структуры, могут быть проиллюстрированы примером (7), в котором сбой приводит к замене конструкции с инфинитивной формой на конструкцию с причинным союзом и финитным глаголом:

(7) DAI R2:7–11

7. ...(0.7) eee(0.8) ....(1.2) Keredomo ..(0.1) kare
но он

wa ..(0.4) ee(0.3) suko= ||
TOP немн =

sukoshi yopparat-te shimat-te ==
немного пьянеть-CNV AUX.S-CNV

Но, немного опьянев ...

8. ....(8.2) Shika ==
Однак =

Однак = ...

9. ee(0.4) yopparat-te shimat-ta node
 пьянеть-CNV AUX.S-PST так.как

Поскольку опьянел,

10. ..(0.2) ee(0.4) ....(1.4) sukii o shi-te
 лыжи ACC делать-CNV

i-te

AUX.PRG-CNV

катаясь на лыжах,

11. ..(0.1) ee(0.2) koron-de shimai-mash-ita
 падать-CNV AUX.S-ADR-PST

упал.

По второму критерию — объему забракованного фрагмента — коррекции в корпусе делятся на два практически равных класса: в половине случаев самоисправлению подвергается мелкий фрагмент (к этому классу мы относим служебные слова, оборванные фрагменты полных слов и их комбинации), другая половина коррекций затрагивает крупные фрагменты (полнозначные слова и их комбинации). В примерах (1) и (7) были приведены коррекции крупных фрагментов: в (1) это именная группа (существительное с зависимым определением), в (7) — это аналитическая глагольная форма. Приведем пример коррекции мелкого фрагмента — в (8) забракована часть полнозначного слова *sut*= (неудавшаяся попытка прозвучать искомым словом *sutando* ‘лампа’):

(8) YUK T1:4

4. ...(0.8) De hajime wa-aa ..(0.5) baggu ..(0.2)
 И сначала TOP сумка

ya-a ..(0.4) mmm(0.5) sut= || ...(0.6) sutando
 и лам= лампа

o mi-te i-ru ka-a
 ACC смотреть-CNV AUX.PRG-PRS Q

Сначала (он) что-ли разглядывает сумки, лам= ... лампы...

Наибольшая вариативность коррекций наблюдается по третьему критерию — по типу операции, которой подвергается забракованный фрагмент. В более чем в половине случаев (53.9 %) происходит повтор забракованного фрагмента, ср. (8). Повтор используется как средство для того, чтобы выиграть время для планирования текущего или последующего отрезка дискурса. Если повтор связан с планированием текущего отрезка, то автоматический мониторинг дает следующий результат: произнесся некоторый фрагмент говорящий прерывается, ощутив сомнение в том, что этот фрагмент соответствует изначальной программе, затем отвергает эти сомнения и повторяет данный фрагмент, сигнализируя о том, что вербализация более удачной, чем первоначально предложенная, он не подобрал.

Модификации — замены забракованного фрагмента с полным или частичным сохранением его значения — составляют 31,6 % от общего числа коррекций. Типичным примером модификации является (1), где говорящий заменяет указание на размер, ‘маленькую’, на более точное определение «размер плюс функция» — ‘игрушечную’. Заслуживает внимания тот факт, что почти половину всех модификаций составляют случаи, затрагивающие не лексическое наполнение высказывания (т. е. замена слова на более уместное), а его грамматическую форму. Так, в примерах (9) и (10) говорящий в ходе самоисправления меняет грамматическую форму глагола. В (9) фрагмент *ka-i*= представляет собой оборванную форму из парадигмы презенса глагола со значением ‘купить’ (она могла бы быть, например, началом вежливой формы непрошедшего времени индикатива или формы желательного наклонения), в ходе самоисправления говорящий меняет «грамматический дизайн» и выбирает отрицательную форму потенциалиса *ka-e-nai* ‘не может купить’:

(9) MAI R1:9–10

9. kai-i= ==
 купи=

10. ka-e-nai node
 покупать-POT-NEG потому.что

Так как (он) покупает=... не может купить...

Сходным образом в (10) говорящий забраковал основу глагола *pot*= ‘купить’, которая используется с формами группы презенса — еще до того, как выбрать окончание. Вместо этого, он предпочел форму прошедшего времени *non-da* ‘выпил’, для которой используется основа *non-* с чередованием финали основы *m/n*:

(10) DAI T2:4

4. minna de ....(2.4) tanoshiku ....(2.7) o-sake
 вместе INS весело HON-сакэ

o nom= || ...(0.4) non-da n ..(0.3)
 ACC пьё= пить.PST NML

des-u keredomo
 COP.ADR-PRS хотя

И хотя (он) вместе со всеми весело пьё= ... пил сакэ...

Со сменой глагольной формы связано и самоисправление в (11), где забраковано наречие степени *totemo* ‘очень’, которое в японском языке допускается только с положительными формами глагола. Как выясняется, говорящий предпочел отрицательную форму; эта отрицательная форма появляется, как и положено, только в абсолютном конце клаузы, однако уже в точке выбора наречия степени наречие *totemo*

исправляется на *amari* — наречие степени, которое используется только с отрицательными формами глагола. Следовательно, уже в этой точке речепорождения первоначально задумывавшаяся положительная форма глагола была перепланирована и заменена на впоследствии и реализованную отрицательную:

(11) KEI R1:20

20. ...(0.6) Okaasan wa ..(0.4) totemo || ... (0.9)
мама TOP очень
 mmm(0.5) amari ..(0.3) yorokon-de i-na-i
совсем радоваться-CNV AUX.PRG-NEG-PRS

yoo desh-ita.
 EVD COP.ADR-PST

Пожоже, мама очень ... совсем не обрадовалась.

«Грамматические» сбои могут быть связаны не только со словоизменением, но и с синтаксисом — в частности, с синтаксической упаковкой клаузы. Так, в (12) топик, который первоначально, по-видимому, задумывался как топик-подлежащее, в ходе самоисправления был переквалифицирован в топик-косвенное дополнение:

(12) YAM R1:17–18

17. kaa san wa nani o ==
мама сан TOP что ACC

Мама что...

18. kaa san ni wa nani o kat-tara
мама сан DAT TOP что ACC купить-COND

Маме что купить?

Имеются и случаи сбоев, комплексно затрагивающих и морфологию, и синтаксис. В примере (13) первоначально задумывался переходный глагол, вероятно, *tomeru* ‘останавливать’. Оборванная форма *tom-m=* (с нефонологической долготой конечного согласного, свидетельствующей о хезитации) была забракована, а вместе с ней и прямое дополнение *me o* ‘глаза + Аккузатив’; в результате самоисправления говорящий выбирает непереходный глагол *tomaru* ‘останавливаться’ (словообразовательную пару к *tomeru* ‘останавливать’), а аккузативная форма заменяется на номинативную, т. е. вместо конструкции «остановить глаза (на)» строится конструкция «глаза остановились (на)»:

(13) TAK R1:6

6. ..(0.1) Soshite-e ma tokei ni me o
Тогда ну часы DAT глаз ACC

tom-m= || ..(0.4) tokei ni me ga
ост= часы DAT глаз NOM

tomar-imash-ita keredomo
остановить-ADR-PST хотя

Тогда, ну, [он свой] взгляд на часах ост= ... его взгляд остановился на часах...

Наконец, третьим типом операций при самоисправлении является отмена — говорящий заменяет забракованный фрагмент без сохранения его исходного значения или полностью отказывается от исходного замысла. Например, в (14) говорящий отменяет две неудачных попытки, прежде чем правильно квалифицирует расположение конечностей человека на картинке (правая/левая:рука/нога — возможно сбой происходит из-за того, что с человеком на изображении говорящий идентифицирует себя и не может быстро справиться с «зеркальным» пространственным дейксисом):

(14) ISI T2:29

29. ..(0.2) watashi wa ..(0.2) ee(0.7) ... (0.7)
я TOP

migi || hi= || a migi ude to ..(0.2) migi
правый лев= а правый рука и правый
 ashi || ee(0.2) hidari ude to
нога левый рука и

migi ashi ni gipusu o ham-e
правый нога DAT гипс ACC надевать.CNV

*Мне на правую ... ле= правую руку и правую ногу...
 а! ...на левую руку и правую ногу наложили гипс и ...*

Типичными случаями отмены являются оговорки, при которых говорящий непроизвольно порождает незапланированный отрезок дискурса. Так, в (15) вместо запланированного «мой день рождения» говорящий произносит «день рождения мамы и папы» (по-видимому, имел место эффект прайминга — в предтексте о родителях уже шла речь):

(15) ISI T2:9–10

9. ....(2.3) chichi to haha no tanjoobi
папа и мама GEN день.рождения

dat-ta node ==
COP-PST потому.что

Так как был день рождения мамы и папы...

10. ..(0.2) a watashi no tanjoobi dat-ta
А! я GEN день.рождения COP-PST

node
потому.что

А! [вернее,] так как был мой день рождения...

Отмены встречаются в нашем корпусе реже двух других типов операций — они составляют 14,5 % от общего числа коррекций.

По четвертому критерию — линейному расположению забракованного фрагмента и его откорректированного коррелята — большинство (83 %) коррекций в нашем корпусе являются контактными, т. е. откорректированный коррелят следует непосредственно за забракованным фрагментом, см. де-

монстрационный пример (1). В более редких случаях (17 %) самоисправление происходит дистантно, как в (16), где говорящий преждевременно приступил к произнесению слова *jidoosha* 'автомашина', но понял, что «забыл» наречие, исправился и снова вернулся к произнесению этого слова:

(16) ISI R1:18

18. ..(0.4) sono ato watashi wa ji= || ee(0.4)
 это после я TOP авт=

tyoodo ... (0.5) eeto ... (1.1) jidoosha no
 как.раз это.самое автомашина GEN

saron no mae o torikakat-ta node
 салон GEN перед ACC проходить-PST так.как

Так как я после этого мимо авт= как раз это самое... мимо автосалона проходил ...

4. Сопоставление с данными по устной русской речи

Всего в нашем корпусе было зарегистрировано 88 эпизодов самоисправления, из которых он-лайн коррекций — 76 эпизодов, редактирования — 12 эпизодов. Разумеется, в силу небольшого объема корпуса приведенные данные могут дать лишь самое общее представление о количественном распределении отдельных типов самоисправлений, однако мы считаем полезным сравнить наши результаты с результатами, полученными по аналогичной методике для корпуса устных рассказов школьников о своих сновидениях (Подлесская, Кибрик 2006, 2009). Сравним прежде всего общую частоту коррекций: в нашем корпусе её среднее значение составляет 1,8 случая на 100 словоупотреблений, в русском корпусе — 2,9 случая на 100 словоупотреблений. В литературе имеются сходные данные по английским бытовым диалогам — около 3 случаев на 100 словоупотреблений (Shriberg 1994). Таким образом, порядок чисел сопоставим, что может свидетельствовать об универсальной природе явления. Относительно более низкая частотность самоисправлений в нашем корпусе может быть связана как с разницей в жанре дискурса (рассказы по картинкам vs. иницированные личные рассказы), так и с разницей в возрасте говорящих. Важным и пока малоизученным фактором является индивидуальная манера речи говорящего; данные по отдельным говорящим для корпуса «рассказов о сновидениях» в цитированных выше работах не указаны, по нашему японскому корпусу разброс по индивидуальным говорящим и по отдельным текстам у одного говорящего может весьма значительным — от полного отсутствия самоисправлений в отдельных рассказах до 13 эпизодов на 100 слов, при модальном зна-

чении 1,3 эпизода на 100 слов. Весь этот комплекс факторов нуждается в тщательной проверке.

Сравним теперь распределение по отдельным типам коррекций. Прежде всего, обращает на себя внимание расхождение в распределении макро- и микрокоррекций. В нашем японском корпусе, как было сказано выше, микрокоррекции составляют 93 %, макрокоррекции — 7 %. Данные по рассказам о сновидениях — 73,6 % микрокоррекций, 26,4 % макрокоррекций. Значительное численное превосходство микрокоррекций в обоих случаях очевидно, однако оно гораздо более выражено в русском корпусе. Можно предположить, что рассказ по картинке изначально предполагает достаточно жесткий каркас дискурсивной структуры, поэтому в них исправления, затрагивающие структуру дискурса, встречаются реже, чем в личном рассказе, однако нам кажется, что здесь задействован и другой — так сказать, «внутрилингвистический» фактор. Сравним распределение коррекций по объему забракованного фрагмента в «рассказах о сновидениях» и в японском корпусе. (Оценивая распределение по этому критерию, мы будем сравнивать наши данные с данными не по всему массиву самоисправлений в корпусе «рассказов о сновидениях», а только по массиву микрокоррекций, поскольку, как сказано выше, макрокоррекции в японском корпусе, в отличие от русского, крайне малочисленны). Здесь наблюдается существенное расхождение: в «рассказах о сновидениях» среди микрокоррекций исправления крупных фрагментов встречаются в два раза реже, чем исправления мелких, тогда как в японском корпусе они распределены практически поровну. Получается, что «недостаток» самоисправлений на межфразовом уровне (макрокоррекций) японский язык компенсирует преобладанием самоисправлений крупных фрагментов внутри клаузы (микрокоррекций), а русский язык наоборот — при самоисправлении чаще выходит за пределы клаузы, вместо того, чтобы исправлять крупные фрагменты внутри клаузы. Причины этого кроются, как нам кажется, в структурных различиях между русским и японским языком: раннее появление глагола в русской клаузе с самого начала проецирует дальнейшее её развертывание, поэтому самоисправление чаще приводит к слову всей конструкции, а в японском языке, где глагол располагается в абсолютном конце клаузы, говорящий может более «безнаказанно» корректировать достаточно протяженные куски клаузы, пока не артикулирован глагол. Естественно, это объяснение пока имеет статус гипотезы, нуждающейся в проверке.

Распределение по типу операции дало близкие результаты в японском и русском корпусах: повторы, модификации и обмены соотносятся в процентном отношении как 53,9 % : 31,6 % : 14,5 % в японском и как 60 % : 30,8 % : 8,3 % — в русском. Почти идентичным получилось и распределение по дистантности: кон-

тактное расположение забракованного компонента и откорректированного коррелята отмечается в 83 % в японском корпусе и в 84 % — в русском. По-видимому, распределение по этим двум критериям в большей степени определяется универсальными закономерностями речепорождения, а не лингвоспецифическими факторами. Однако, опять же, для статистически достоверных выводов нужна проверка на гораздо больших массивах текстов, распределенных по языкам, жанрам, возрасту и полу говорящего и проч.

В целом же, нам удалось показать системный характер лингвистических механизмов самоисправления, согласованность качественных и ряда количественных показателей в японской и русской монологической речи. Это позволяет говорить о том, что сведения о речевых сбоях имеют существенное значение для понимания универсальных языковых процессов, и следовательно их регистрация должна стать обязательным требованием к качественным корпусам устной речи.

Литература

1. Подлеская В. И., Кибрик А. А. Коррекция в устной русской монологической речи по данным корпусного исследования / Русский язык в научном освещении, 2006. №12(2). С. 7–55.
2. Подлеская В. И., Кибрик А. А. Речевые сбои и затруднения // Кибрик А. А., Подлеская В. И. (ред.) Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса. М.:ЯСК, 2009. С. 177–218
3. Ohori Toshio. Remarks on suspended clauses: a contribution to Japanese phraseology // Essays in Semantics and Pragmatics: In honor of Charles J. Fillmore. Eds. Masayoshi Shibatani and Sandra A. Thompson. John Benjamins, 1996. P. 201–218.
4. Shriberg, E. E. Preliminaries to a Theory of Speech Disfluencies. PhD dissertation. University of California at Berkeley, 1994.